

Ягья В.С., Ли Минфу

Центральная Азия в условиях сопряжения Экономического пояса Шелкового пути и Евразийского экономического союза*

Ягья Ватаняр Саидович

Санкт-Петербургский государственный университет
Заведующий кафедрой мировой политики факультета международных отношений
Доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации
yagua@sir.edu

Ли Минфу

Санкт-Петербургский государственный университет
Аспирант кафедры мировой политики факультета международных отношений
limingfu999@gmail.com

РЕФЕРАТ

В статье анализируется мягкая сила в политике Китая и России в Центральной Азии с точки зрения успешной реализации планов взаимодействия «Экономического пояса Шелкового пути» и Евразийского экономического союза. Особо подчеркивается, что «Экономический пояс Шелкового пути» в сочетании с ЕАЭС придает новые черты в конфигурации международных экономических и политических отношений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

мягкая сила, Центральная Азия, Экономический пояс Шелкового пути, КНР, Евразийский экономический союз, Россия, Казахстан

Yagya V. S., Li Mingfu

Central Asia in the Conditions of Conjugation of the Economic Belt of the Silk Way and the Eurasian Economic Union

Yagya Vatanyar Saidovich

Saint-Petersburg State University (Russian Federation)
Head of Chair of World Politics of the School of international relations
Doctor of science (History), Professor, Honored worker of science of the Russian Federation
yagua@sir.edu

Li Mingfu

Saint-Petersburg State University (Russian Federation)
Graduate Student of the Chair of World Politics of the School of international relations
limingfu999@gmail.com

ABSTRACT

The article analyzes soft power in the policies of China and Russia in Central Asia from the perspective of successful realization of interaction of the Economic Belt of the Silk Way and the Eurasian Economic Union. It especially emphasizes that in combination with the Eurasian Economic Union, the Economic Belt of the Silk Way presents new characters in configurations of international economic and political relations.

KEYWORDS

soft power, Central Asia, Economic Belt of the Silk Way, People's Republic of China, Eurasian Economic Union, Russia, Kazakhstan

*Продолжение. Начало см.: «Управленческое консультирование». 2016. № 2. С. 59–70.

В рамках сложившегося геополитического треугольника Россия-Центральная Азия-Китай отношения строятся на взаимодействии участвующих стран, однако это не исключает трений между ними (например, между Таджикистаном и Узбекистаном), разногласий и недопонимания друг друга. В их отношения активно вплетаются процессы сопряжения ЭПШП и ЕАЭС. Они еще в большей степени меняют политический ландшафт на обширных просторах акторов, взаиморазвивающихся, сотрудничающих и стратегически готовых к укреплению сотрудничества и безопасности. На этом пути велика роль мягкой силы и особенно таких ее компонентов, как культура, наука, образование и язык.

Сложным и трудоемким аспектом сопряжения ЕАЭС и ЭПШП, на наш взгляд, станет состыковка реализации ряда мягкосиловых компонентов, в частности распространения китайского и русского языков. При этом важно иметь в виду и лингвополитику центральноазиатских государств по защите, развитию и огосударствлению своих национальных языков: казахского, узбекского, туркменского, киргизского и таджикского. Следует обратить внимание, что первые четыре языка относятся к тюркскому миру, где первую скрипку пытается играть Турция, а последний принадлежит к персоязычному миру, который Тегеран предполагает культурно и политически объединить, реализовав проект наподобие франкофонии.

Поднебесная широко использует открывшиеся возможности для повышения интереса центральноазиатского населения к китайскому языку и в целом к Китаю [6]. Судя по всему, на руку Пекину в этом деле играют медлительность российских институтов мягкой силы и непоколебимая уверенность российских властей в незыблемости укорененности культурного наследия советской эпохи в Центральной Азии.

По данным Госканцелярии КНР по распространению китайского языка за рубежом, в настоящее время открыты в Центральной Азии десять «Институтов Конфуция» и около 15 специальных «классов Конфуция». Только в 2003 г. число учащихся в «Институтах Конфуция» в Центральной Азии достигло 22 270 чел., но всего 6739 чел. приняли участие в квалификационном экзамене по китайскому языку (HSK)¹. В каждом «Институте Конфуция» учащиеся изучают китайский язык, историю, духовные и культурные ценности Китая. Распространение китайского языка посредством обучения в «Институтах Конфуция» и классах Конфуция стало специальным и эффективным инструментом мягкой силы Китая в центральноазиатских странах. Тем самым меняется восприятие Китая в лучшую сторону. Китай становится для людей ближе, понятнее, дружелюбнее. В культурно-цивилизационную среду Центральной Азии вносятся ценностные элементы китайского миропонимания, духовности, в том числе идеи конфуцианства. Распространением культуры и языка через «Институт Конфуция» Пекин пытается усилить притягательную силу Китая, устранить существующие с прошлых времен предвзятость, неприязнь и ощущения угроз, исходящих якобы из Китая.

В Центральной Азии растет интерес молодежи к изучению китайского языка. Уже сейчас он прочно занял второе место по изучаемости после английского². Количество же носителей русского языка постепенно уменьшается, и, соответственно, статус русского языка снижается. По сравнению с русским языком, китайский язык становится все более популярным среди молодежи. В докладе «Сценарный прогноз развития ситуации в Центральной Азии после вывода коалиционных войск из Афганистана 2014–2024 гг.», сделанном в Летней школе РСМД (Российского совета

¹ Институт Конфуция: Положение // Ханьбань [Электронный ресурс]. URL: http://www.hanban.edu.cn/confuciusinstitutes/node_10961.htm (дата обращения: 16.03.2015).

² Сафронов К. Присутствие Китая в Центрально-Азиатском регионе. 09-09-2014. URL: <http://eurasian-defence.ru/eksklyuziv/analitika/prisutstvie-kitaya-centralnoaziatskom-regione>. (дата обращения: 18.03.2015).

международных дел) отмечено, что в языковом плане Центральная Азия будет идти по формуле «развивать китайский, сохранять русский, учить английский»¹. При оценке языковой и культурной активности Китая в Центральной Азии важно учитывать мнение Джозефа Ная, что «язык и культура страны — это «мягкая сила», которая играет ключевую роль в международных отношениях, влияя напрямую или косвенно на мировую политику» [8].

Говоря о понижении статуса русского языка, исследователи предполагают, что Россия тем самым перестает формировать элиты центральноазиатских государств. Российские образовательные центры слабо представлены в регионе и перестают пользоваться популярностью у местной молодежи². На самом деле учреждения культуры и образования, школы, университеты, институты, театры, творческие организации и др. определяют и воспроизводят идентичность коллективов, в которой русскоязычность еще имеет значение.

В этом отношении позитивно сказывается еще сохраняющаяся русская диаспора, деятельность открытых Российских центров науки и культуры, проведение массовых мероприятий организациями соотечественников делового и культурно-гуманитарного характера (например, фестивали «Вальс Победы», «С Россией в сердце», «Поздравляем тебя, Россия!» и «Петербургские встречи в Астане»), функционирование филиалов российских вузов, спектакли незакрытых русских театров и т. д. В 2016 г. «Россотрудничество», которое занимается укреплением отношений России с зарубежными странами, развитием культурных, научных и деловых связей с ними и помощью в чрезвычайных ситуациях, собирается открыть свои представительства в Уральске (Казахстан), Оше (Киргизия) и Худжанде (Таджикистан), причем в столицах этих стран уже работают РЦНК. Однако несмотря на масштабность действий этих центров и их отделений по продвижению русского языка в зарубежье, как свидетельствует руководитель «Россотрудничество» Л. Н. Глебова, «эффект от них не совсем тот, который требуется» [2]. Хотя она отметила, что в Европе «интерес ко всему русскому растет».

Ситуация в Центральной Азии, по-видимому, в ближайшее время изменится в лучшую сторону. В 2016 г. совместный российско-китайский международный университет на базе МГУ им. М. В. Ломоносова в Шэньчжэне примет первых студентов, в том числе не исключено, что из центральноазиатских стран. Это высшее учебное заведение сможет участвовать и в реализации проекта ЭПШП. Первый проректор МГУ С. Шахрай, рассказывая с гордостью об этом совместном с Китаем университете, особо отметил, что 30–40% его студентов будут гражданами СНГ [1].

С 2015 г. интерес к русскому языку в самом Китае начал вновь возрастать. Так, в Ланьчжоуском технологическом университете, находящемся в административном центре провинции Ганьсу, решено возобновить курсы по специальности «русский язык и литература», еще недавно изъятой из учебного плана. Возвращение в университетское образование русского языка предназначено для удовлетворения растущего спроса на специалистов со знанием русского языка в условиях ускорения развития западных регионов Китая в ходе реализации идей их открытости в контексте ЭПШП и Морского Шелкового пути XXI в. и, конечно, сопряжения с ЕАЭС.

Китай не только сосредоточен на распространении китайского языка, но и с помощью все увеличивающихся образовательных, культурных, научно-технологических обменов студентами глубоко влияет на молодое поколение Центральной Азии. Ки-

¹Сценарный прогноз развития ситуации в Центральной Азии после вывода коалиционных войск из Афганистана 2014–2024 гг. Летняя школа РСМД [Электронный ресурс]. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1870 1 (дата обращения: 17.03.2015).

²Сценарный прогноз развития ситуации в Центральной Азии после вывода коалиционных войск из Афганистана 2014–2024 гг. Летняя школа РСМД // [Электронный ресурс]. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1870 1 (дата обращения: 17.03.2015).

тайские преподаватели в институтах и классах Конфуция часто повторяют гуманистическую мысль Мэн-цзы: «В бедности занимайся собой, а в достатке пытайся помочь миру». Не в этом ли кроется стремление властей Поднебесной проповедовать свое искреннее желание содействовать процветанию зарубежья? Особо надо отметить просветительскую работу по ознакомлению молодежи с конфуцианством — этим кладезем мудрости, в том числе в сфере человеческого взаимообщения и взаимоповедения. Главным понятием конфуцианства является принцип «Жэнь» — гуманность. В частности, он пронизывает книгу Конфуция «Беседы и суждения». Отдельные ее постулаты освещаются в обучении детей в соответствующих классах Конфуция при младших и средних школах.

В последние годы произошло повышение уровня студенческих и академических контактов между государствами Центральной Азии и КНР. Подписанные соглашения о сотрудничестве в сферах образования и культуры между ними стали большим подспорьем для развития двухсторонних и многосторонних связей Китая, в том числе в области создания условий для перспективных проектов ЭПШП. Много студентов из стран Центральной Азии учится в Китае, получая стипендии, в том числе от правительства КНР или Института Конфуция, либо провинций и городов Китая.

Университетское образование в Китае было усилено программами приглашения зарубежных ученых для чтения лекций, проведения семинарских занятий, лабораторных работ, научных исследований. Прежде всего из-за границы откликнулись крупные специалисты китайского происхождения. Они повысили научный потенциал подготовки элит из разных стран¹. По данным Министерства образования КНР, количество иностранных учащихся в Китае достигло 377 054 чел. из 203 стран и регионов. Среди них 225 490 чел. из Азии (59,8% от общего числа), их количество увеличивалось ежегодно на 2,58% по сравнению с предыдущим годом. Так, число учащихся в Китае из Казахстана достигло 11 764 чел., занимая 9-е место по количеству студентов из-за рубежа, обучающихся в Китае².

Заметное влияние на молодежную среду в центральноазиатских странах оказывают проводимые в них дни или недели культуры Китая, различные промышленные, сельскохозяйственные, художественные и литературные выставки. В этом отношении показательны усилия, которые предпринимаются в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, население которого во многом, включая мусульманское вероисповедание, схоже с теми, кто живет в Центральной Азии. Университеты в Синьцзяне готовят специалистов в области медицины, этнологии, археологии, лингвистики, географии, истории. По данным Департамента образования Синьцзян-Уйгурского автономного района, число учащихся в Синьцзяне из Центральной Азии достигло 6888 чел. в 2012 г., выросло на 67% в сравнении с прошедшими тремя годами [9].

Другим ярким примером привлекательности Китая для центральноазиатской молодежи служит провинция Шэньси, откуда в средние века начинался Великий шелковый путь. Приобретая соответствующие знания, общаясь с коллегами по учебе, познавая тонкости шелкопутьных проектов, студенты из Центральной Азии по окончании учебы, возвращаясь в свои родные пенаты, становятся яркими сторонниками реализации указанных идей. В 2013 г., по данным Департамента образования провинции Шэньси, в ее университетах учились 614 студентов из Центральной Азии, составляя 10% от всех иностранных студентов. В уже упоминавшемся документе

¹Ministry of Education PRC. The Overall Situation of Studying Abroad (2005) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.moe.gov.cn/publicfiles/business/htmlfiles/moe/s3917/201007/91574.html> (дата обращения: 12.03.2015).

²Ministry of Education PRC [Электронный ресурс]. URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/gzdt_gzdt/s5987/201503/t20150318_186395.html (дата обращения: 16.07.2015).

«Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века» отмечено, что необходимо использовать уникальные региональные преимущества Синьцзяна, чтобы построить основную зону Экономического пояса Шелкового пути и сформировать в ней важный культурный и научный центр. Рекомендовано расширить обмен студентами и межшкольное сотрудничество. Китай предоставляет 10 000 государственных стипендий студентам из Центральной Азии ежегодно¹.

Китай пошел с января 2015 г. на заметное повышение стипендий, чтобы привлечь еще больше студентов из-за рубежа для обучения в своих вузах [9]. Тем самым расширяется культурно-цивилизационная сфера влияния Китая в Центральной Азии, включая формирование элиты, ориентированной на Поднебесную. Тому же самому служит, как было отмечено выше, китайско-центральноазиатское партнерство в области культуры. Оно удачно сочетает модернизационные и инновационные инициативы с базовыми ценностями Китая и аналогичными цивилизационными основами центральноазиатских стран. При таком подходе они не противоречат друг другу, а наоборот, укрепляется их противодействие глобализации, ведущей к унификации культур, устранению их национальных особенностей, к общемировому универсализму. Это создает также возможности для преодоления в конечном счете мироустройства по западному образцу, хотя устранить полностью процессы вестернизации незападного мира не удастся, да к этому ни одно из государств во взаимодействующей системе «Китай-Центральная Азия» и не стремится.

Во избежание конфликтных ситуаций, порожденных культурной экспансией, в Пекине прилагают усилия к тому, чтобы его культурно-цивилизационное присутствие в Центральной Азии не воспринималось как проявление гегемонизма, а лишь только как партнерское взаимодействие в целях обоюдного участия в развитии мультицивилизационных отношений, межцивилизационных дружеских связей и укрепления суверенитета каждой страны-участницы. Возникающий таким образом межцивилизационный синтез способствует национальной, региональной и глобальной безопасности, а также бесконфликтному развитию человечества.

Но полностью избежать осторожности в восприятии своих культурных ценностей Китаю пока не удается [9]. Сказываются ли в этом психологические оттенки культурного наследия, сочетающее восточные, мусульманские и русские ценности, а также возникшие в ходе совместного развития в царское и советское время стереотипы — вопрос, требующий самостоятельного, вне рамок этой статьи, исследования. Наряду с активизацией партнерства в области культуры, власти Китая придают немало внимания научным связям с центральноазиатскими странами. В Пекине отдают себе отчет в том, что Казахстан, Туркменистан, Узбекистан, Таджикистан и Кыргызстан накопили большой опыт в научных, проектно-конструкторских и практических работах в области добычи, обогащения и переработки полезных ископаемых, имеющих для Китая огромное стратегическое и, конечно, производственное значение (нефти, газа, урана, угля, меди и др.). В Поднебесной учитывают также, что они располагают уникальными технологическими изобретениями в области металлургии, нефтехимической промышленности, геологоразведки, углехимической, аэрокосмической промышленности, атомной науки и техники, сельского хозяйства, животноводства, физики, химии, водных ресурсов.

Эти страны еще со времен СССР обладают высококвалифицированными научно-исследовательскими и проектными институтами в тяжелой и легкой промышленности, в некоторых других научных отраслях (например, атомной науке и технике). Они уже достигли мирового продвинутого уровня [9]. Учитывая все эти обстоятель-

¹Ministry of Education PRC [Электронный ресурс]. URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/s5147/201504/t20150430_187671.html (дата обращения: 16.07.2015).

ства, еще в 1991–1995 гг. власти Синьцзяна направили во все 5 центральноазиатских стран 190 делегаций, насчитывавших более 800 чел., для переговоров и бесед в научно-исследовательских и технических учреждениях, знакомства с их работой. В свою очередь Синьцзян принял в это же время 237 научно-технических делегаций в составе 1147 чел. из Центральной Азии, интересовавшихся научными достижениями и технологическими новинками. В 2001–2006 гг. только Департамент науки и технологии Синьцзяна послал 247 делегаций в составе 841 чел. в Центральную Азию; а принял 123 делегации (286 чел.) из этого региона [7]. И в последующие годы взаимный обмен делегациями из Пекина, Урумчи, Шанхая, Астаны, Ашхабада, Ташкента, Душанбе и других городов пространственной системы «Китай-Центральная Азия» увеличивался, обеспечивая тем самым успешность мягкой силы Китая и увеличивая научный потенциал среднеазиатских республик и Казахстана.

В декабре 2013 г. Департамент науки и технологии Синьцзян-Уйгурского автономного района приступил к строительству Центра науки и технологического сотрудничества Китай — Центральная Азия, дав импульс для развития стратегического проекта «Шелковый путь науки и технологии», тем самым началась подготовка реализации проекта Экономический пояс Шелкового пути. Этот центр играет важную роль в координации и обслуживании научно-технического сотрудничества между Китаем и странами Центральной Азии, и постепенно превращается в центр научно-технического партнерства между странами-членами Шанхайской организации сотрудничества¹. Его значение в сопряжении ЭПШП и ЕАЭС несомненно.

Электронные и печатные СМИ, и особенно телевидение, в настоящее время активно задействованы в распространении разносторонней информации об «Экономическом поясе Шелкового пути», о его позитивной роли в развитии Центральной Азии, и предстоящем процветании ее стран в результате этой китайской инициативы. По замыслу Пекина подобные сообщения в СМИ должны содействовать созданию существенных предпосылок для сопряжения ЭПШП и ЕАЭС. В своем выступлении в Астане в 2013 г. Си Цзиньпин сказал, что «расположенный в провинции Шэньси мой родной город находится в начальной точке древнего Шелкового пути» и что «Казахстан — это земля, через которую шел древний Шелковый путь, внес важный вклад в диалог цивилизаций между Востоком и Западом, а также способствует взаимодействию и сотрудничеству разных национальностей и разных культур. Восточные и Западные дипломаты, караваны, туристы, ученые, ремесленники использовали этот путь для взаимных поездок в целях учебы, достижения нужных договоренностей, обмена культурными ценностями, духовными идеями, что содействовало развитию человеческой цивилизации»².

Китайские ученые, высоко оценивая экономическое содержание ЭПШП, вместе с тем характеризуют его как значимое событие в мировом масштабе. По мнению Син Гуанчэна (директора Научно-исследовательского центра по китайской пограничной истории и географии Китайской академии наук)³ Лю Хонубиня, (Президента Института исследования Африки Чжэцзян педагогического университета)⁴, Ван

¹ CRI online [Электронный ресурс]. URL: <http://gb.cri.cn/42071/2014/12/09/6891s4797012.htm> 09-12-2014 (дата обращения: 16.07.2015).

² Агентство Синьхуа. Полный текст речи Си Цзиньпина в Университете Назарбаева [Электронный ресурс]. URL: http://news.xinhuanet.com/world/2013-09/08/c_117273079_2.htm (дата обращения: 14.02.2015).

³ 邢广程. 海陆两个丝路-通向世界的战略之梯 // 学术前沿. 2014. 04 (上) P. 90–95 (перевод: Син Гуанчэн. Два Шелковых пути: лестница к миру. Академическая граница. 2014. № 4(1). С. 90–95).

⁴ 刘鸿武. 新“丝路”之道与魂, 中非合作崛起与全球共享 // China Investment. 2014 (10). P. 1–4 (перевод: Лю Хонубинь. Путь и сущность нового Шелкового пути: сотрудничество Китая и Африки и глобального разделения // Инвестиции Китая. 2014 (10). С. 1–4.

Чжэнчу (из университета Ноттингема, Великобритания)¹, «Экономическому поясу Шелкового пути» принадлежит ключевая роль в дальнейшем развитии Китая. Многие специалисты и политики Китая считают, что сочленение проектов ЭПШП и ЕАЭС — историческая необходимость.

Одновременно они подчеркивают стратегическое значение в его реализации Центральной Азии. Россия также признает такую точку зрения. Стоит, разумеется, прислушаться и к словам министра иностранных дел КНР Ван И о том, что развитие экономики — ключ к решению многих, если не всех, проблем². Необходимо, конечно, мягкосиловое сопровождение такого грандиозного проекта. Дело в том, что, как отмечалось выше, он вызвал неоднозначную реакцию в мире³: Ведь долгое время, целые десятилетия, Китай молчаливо держался в стороне от масштабных предложений на международной арене, от мирозначимых инициатив, не вступал, как правило, открыто в соперничество с ведущими державами мира. Ситуация изменилась ныне, и Китай вышел на мировую арену, претендуя на равное сотрудничество с глобальными региональными и внерегиональными державами⁴.

Пекин действует в соответствии с международным правом, не стремится к господству в Центральной Азии. Это подтверждается не только характером его отношений с центральноазиатскими странами, но и призывом к Москве сотрудничать в регионе⁵. Примечательно в этой связи высказывание О. В. Зотова о том, что трехтысячелетний опыт исторического развития позволил Китаю понять раньше Запада, что «влияние важнее власти». По его мнению, китайская внешняя политика — это не диктат, а дипломатически направляемое стремление «побеждать, не сражаясь» [3].

В своей книге «Китай — Россия 2050: стратегия со-развития» Б. Н. Кузык и М. Л. Титаренко отмечают, что «внешнеполитическая стратегия Китая на ближайшие 50 лет определена. Она нацелена на обеспечение национальных интересов страны, ее целостности и стабильности» [4, с. 525–526]. Вот почему не будет серьезного столкновения между Китаем и Россией в Центральной Азии по поводу развития проекта «Экономического пояса Шелкового пути». Как сказал министр иностранных дел России С. В. Лавров, в Москве убеждены, что во взглядах ведущих международных игроков на наиболее острые проблемы современности все-таки больше общего, чем расхождений, особенно в том, что касается не тактических подходов, а конечных целей [5]. Это замечание касается и деятельности Китая в Центральной Азии. Оно ценно для взаимодействия ЭПШП и ЕАЭС.

Китайский проект «Экономический пояс Шелкового пути» реален. Создав Азиатский банк инвестиционного развития и Фонд Шелкового пути с капиталом 40 млрд долл., Пекин показал, что он формирует финансовую многостороннюю базу Экономического пояса Шелкового пути. Кроме того, Поднебесная заявила о своей открытости в его осуществлении и готовности сотрудничать со всеми государствами, желающими участвовать совместно в создании этого экономического пояса.

¹ 王正绪. 中国崛起的规范性力量 // 《联合早报》05.02.2015 (перевод: Ван Чжэнчу. Нормативная сила подъема Китая) // Lianhe Zaobao.

² Агентство Синьхуа // [Электронный ресурс]. URL: http://news.xinhuanet.com/world/2015-01/16/c_127390959.htm (дата обращения: 13.02.2015).

³ См. также: Тавровский Ю. В. Пекин собирает горы и моря: Стратегия «Китайская мечта» пополнилась двумя новыми внешнеполитическими концепциями // Независимая газета. 15.11.2013 [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/ideas/2013-11-15/5_china.html (дата обращения: 14.02.2015).

⁴ Изимов Р. «Мягкая сила» Китая: на прицеле Центральная Азия. 25.01.2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://radiotochka.kz/1581-.html> (дата обращения: 13.02.2015).

⁵ Агентство Синьхуа. Полный текст речи Си Цзиньпина в Университете Назарбаева [Электронный ресурс]. URL: http://news.xinhuanet.com/world/2013-09/08/c_117273079_2.htm (дата обращения: 14.02.2015).

В подтверждение таких принципов можно привести одно очень точное и важное положение Совместного заявления РФ и КНР о новом этапе отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, подписанного по итогам визита президента России В. В. Путина в Китай в мае 2014 г.: «Россия считает важной инициативу Китая по формированию «Экономического пояса Шелкового пути» и высоко оценивает готовность Китайской Стороны учитывать российские интересы в ходе ее разработки и реализации»¹.

Яркий пример тому — состыкование положений Экономического пояса Шелкового пути и принятых в государствах Центральной Азии своих концепций развития: «Казахстан-Новый Шелковый путь» и «Стратегия Казахстана-2050», «План благополучия и процветания» Узбекистана, «Национальная стратегия развития 2016–2030 годы» Таджикистана, «Национальная стратегия устойчивого развития Кыргызстана на 2013–2017 гг.». Пять центральноазиатских стран, используя возможности «Экономического пояса Шелкового пути» и свои перспективные программы развития, в том числе и при посредстве Евразийского экономического союза, интегрируются в глобальные рынки и в мировую экономику. А Китай укрепляет свое глобальное положение в мировом сообществе и станет в перспективе ведущей державой на Земле.

«Экономический пояс Шелкового пути» в сочетании с ЕАЭС придаст новые черты конфигурации международных экономических и политических отношений. Глобальная мир-система интегрирует Китай как мощный локомотив политического и экономического развития в XXI в. всего мирового сообщества, в структуре которого Центральная Азия станет крупным соучастником противовеса Евроатлантическому региону. Произойдут также перемены в центрально-периферических отношениях. Китай, опирающийся в том числе на центральноазиатские страны, и, несомненно, на Россию, займет лидирующие позиции в глобальном мире.

Литература

1. Белозеров Ю. В список лучших вузов попадали сразу // Москва–Пекин: Российско-китайское бизнес-ревю. 2015, сентябрь, № 4. С. 75
2. Глебова Л. Россотрудничеству — 90! // Международная жизнь. 2015. № 12. С. 8.
3. Зотов О. В. Большая Центральная Азия и принципы геополитики КНР // Сб. материалов «круглого стола»: «Интересы ЕС, КНР, России и США в Центральной Азии». Бишкек, 2004.
4. Кузык Б. Н., Титаренко М. Л. Китай — Россия 2050: стратегия соразвития. М.: Институт экономических стратегий, 2006.
5. Лавров С. Внешнеполитическая философия России // Международная жизнь. 2013. № 3. С. 1–8.
6. Ягья В. С., Ли Минфу. Институт Конфуция как фактор «мягкой силы» во внешней политике КНР в XXI веке // Международная жизнь. 2015. № 7. С. 84–93.
7. He Xian, Ren Hong, Zhang Xiaoyun, Li Jiang. Scientical and technical cooperation between Xingjiang and five countries in Central Asia // Scientical and technical information and economy. Vol. 21. N 6. 2012. P. 160–165.
8. Nye J., Jr. Soft power // Foreign Policy, N 80. Autumn 1990. P. 48–58.
9. Zhang Quansheng, Guo Wei. Humanitarian and cultural cooperation and exchanges between China and Central Asian Countries // Journal of Xinjiang Normal University (Philosophy and Social Sciences). Vol. 35. N 4. Aug. 2014. P. 66–67.

References

1. Belozеров Yu. *Were included in the list of the best higher education institutions at once* [V spisok luchshikh vuzov popadali srazu] // Moscow-Beijing: Russian-Chinese business revue [Moskva–Pekin : Rossiisko-kitaiskoe biznes-revyu]. 2015, September. N 4. P. 75. (rus)

¹ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о новом этапе отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия // [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/ref_notes/1642 (дата обращения: 14.02.2015).

2. Glebova L. *Federal Agency for the Commonwealth of Independent States, Compatriots Living Abroad and International Humanitarian Cooperation (Rossotrudnichestvo) – 90th anniversary! [Rossotrudnichestvu – 90!]* // International life [Mezhdunarodnaya zhizn']. 2015. N 12. P. 8. (rus)
3. Zotov O. V. *Big Central Asia and principles of geopolitics of the People's Republic of China [Bol'shaya Tsentral'naya Aziya i printsipy geopolitiki KNR]* // Collection of materials of «a round table»: «Interests of the EU, the People's Republic of China, Russia and the USA in Central Asia» [Sb. materialov «kruglogo stola»: «Interesy ES, KNR, Rossii i SShA v Tsentral'noi Azii»]. Bishkek, 2004. (rus)
4. Kuzyk B. N., Titarenko M. L. *China – Russia 2050: strategy of co-development [Kitai — Rossiya 2050: strategiya sorazvitiya]*. M. : The Institute of economic strategies [Institut ekonomicheskikh strategii], 2006. (rus)
5. Lavrov S. *Foreign philosophy of Russia [Vneshnepoliticheskaya filosofiya Rossii]* // International life [Mezhdunarodnaya zhizn']. 2013. N 3. P. 1–8. (rus)
6. Yagya V. S., Li Minfu. *Confucius's institute as a factor of «the soft force» in foreign policy of the People's Republic of China in the XXI century [Institut Konfutsiya kak faktor «myagkoi sily» vo vneshnei politike KNR v XXI veke]* // International life [Mezhdunarodnaya zhizn']. 2015. N 7. P. 84–93. (rus)
7. He Xian, Ren Hong, Zhang Xiaoyun, Li Jiang. *Scientical and technical cooperation between Xingjiang and five countries in Central Asia* // Scientical and technical information and economy. Vol. 21. N 6. 2012. P. 160–165.
8. Nye J., Jr. *Soft power* // Foreign Policy. N 80. Autumn 1990. P. 48–58.
9. Zhang Quansheng, Guo Wei. *Humanitarian and cultural cooperation and exchanges between China and Central Asian Countries* // Journal of Xinjiang Normal University (Philosophy and Social Sciences). Vol. 35. N 4. Aug. 2014. P. 66–67.